

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

EDNCAELKS

**Исторический нарратив как социальное пространство для
цивилизационного столкновения: о сильных и слабых сторонах
российской политики памяти**

Михаил Ю. Попов¹

¹Научный журнал «Наука. Образование. Современность /
Science. Education. The Present»

г. Краснодар, Россия

e-mail: popov-52@mail.ru

Елена В. Говердовская²

²Пятигорский медико-фармацевтический институт,
филиал Волгоградского медицинского университета

г. Пятигорск, Россия

e-mail: redsov@mail.ru

Екатерина А. Цымбал³

³Ростовский государственный университет
путей сообщения (РГУПС)

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: eka.filos@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть исторические нарративы, споры о минувших событиях прошлого и не только столетий как давно вышедшие за пределы узких академических дискуссий. Иными словами, как совокупность коллективных представлений, составляющих особое социальное пространство вне границ учебников, образовательных институций и школьных уроков истории. А именно как специфическое переплетение индивидуальной и коллективной памяти, пересечение национальных и международных институциональных структур, смешение образовательных и политических практик. Столкновение цивилизаций в конце первой трети двадцать первого столетия не могло не вызвать конфликтные процессы в этом социальном пространстве, где противоборствующие силы развернули когнитивные, медийные и прочие идеологические инструментари, оптимизируя собственные военные расходы расходами идейного характера. Предлагаем в настоящем социологическом очерке рассмотреть российский опыт вовлечения, воздействия и влияния внутри поля исторических нарративов. Иначе говоря, обнаружить сильные и слабые стороны отечественной политики памяти, которая содержательно все еще не перешла с примордиалистских на конструктивистские теоретико-практические позиции. Представляется, что подобный переходный момент необходим для эффективного использования национальных ресурсов Российской Федерации с целью одержать стратегическую победу над

геополитическим противником в социальном пространстве из исторических нарративов, общественной памяти и проектов построения идентичностей от национального до цивилизационного уровня.

Ключевые слова: социальное пространство; столкновение цивилизаций; исторический нарратив; политика памяти; примордиализм; конструктивизм; российская политика памяти.

Для цитирования: Попов М. Ю., Говердовская Е. В., Цымбал Е. А. (2026). Исторический нарратив как социальное пространство для цивилизационного столкновения: о сильных и слабых сторонах российской политики. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), С. 107-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

Historical Narrative as a Social Space for Civilizational Clash: on the Strengths and Weaknesses of Russian Politics of Memory

Mikhail Yi. Popov¹

¹Scientific journal "Science. Education. The Present / Science.

Education. The Present"

Krasnodar, Russia

e-mail: popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya²

²Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of Volgograd Medical University

Pyatigorsk, Russia

e-mail: redsov@mail.ru

Ekaterina A. Tsymbal³

³Rostov State Transport University (RSTU)

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: eka.filos@yandex.ru

Abstract

The article proposes to consider historical narratives, disputes about previous events of the past and not only centuries that have long gone beyond the limits of narrow academic discussions. In other words, as a set of collective representations that make up a special social space beyond the boundaries of textbooks, educational institutions and Previous school history lessons. Namely, as a specific interweaving of individual and collective memory, the intersection of national and international institutional structures, and the mixing of educational and political practices. The clash of civilizations at the end of the first third of the twenty-first century could not but cause conflict processes in this social space, where the opposing forces deployed cognitive, media and other ideological tools, optimizing their own military expenditures with ideological expenditures. In this sociological essay, we propose to consider the Russian experience of involvement, impact and influence within the field of historical narratives. In other words, to discover the strengths and weaknesses of the national memory policy, which has not yet meaningfully moved from primordialist to constructivist theoretical and practical positions. It seems that such a transitional moment is necessary for the effective use of the national resources of the Russian Federation in order to gain a strategic victory over a geopolitical opponent in the social space from historical narratives, public memory and projects of building identities from the national to the civilizational level.

Keywords: social space; clash of civilizations; historical narrative; politics of memory;

primordialism; constructivism; Russian politics of memory.

For citation: Popov M.Yu., Goverdovskaya E. V., Tsymbal E. A. (2026). Historical Narrative as a Social Space for Civilizational Clash: on the Strengths and weaknesses of Russian Politics of Memory. *Caucasian Science Bridge*, 9 (1), P. 107-116. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2026.1.7>

Введение: «горячая война» посредством исторических нарративов как один из фронтов цивилизационного столкновения

В конце двадцатого столетия, с крахом социалистического блока вместе с Советским Союзом, построением однополярной американской гегемонии и утверждением глобального рыночного порядка, в академической среде Соединенных Штатах возникло два противоречащих друг другу прогноза относительно будущего политического миропорядка (Харыбин, 2016).

Небезызвестный политический философ и политолог, Ф. Фукуяма, провозгласил состоявшимся гегелевский «конец истории» (работа «Конец истории и последний человек»): крушение плановой экономики и стран «реального социализма» с одновременным сохранением, развитием и экспансией западно-либеральных держав и капиталистической геоэкономики показали, что движение Мирового Духа подошло к логическому (историческому) завершению; Запад бесповоротно «финишировал» в мировой гонке, «обогнав» Восток; проект политического / экономического либерализма взял верх над негибкой, неповоротливой и неэффективной социалистической технократией. В противоположность ему другой видный политолог и политический социолог, С. Хантингтон, предрек крайне антигегельянский сценарий для будущего только что сложившегося мирового порядка (книга «Столкновение цивилизаций»): вместо единой цивилизации мир всегда был и будет множеством цивилизаций; вместо одной-единственной исторической колеи для всех есть разнообразие пестрых и несочетаемых друг с другом путей, по которым умножается и плодоносит цивилизационное разнообразие; но вместе с множественностью цивилизаций и культурных миров всегда, «во веки вечные», останется ресурсная универсальная бедность, которая будет вынуждать цивилизационные конклавы сталкиваться друг с другом на границах в жестоких «горячих» и мягких «холодных» войнах.

Последний сценарий, в отличие от первого, предполагает, что никакого конца истории ни в смысле Гегеля, ни в духе Маркса, ни в каком-либо еще понимании быть не может. Наличествует не однократное завершение истории, но многократные смены одних исторических эпох (эпистем, периодов, эр, гегемоний, миропорядков и т. д.) другими; наблюдается не финал истории, а история без всякого конца и края, где одни цивилизации обязательно будут сменяться другими, вторые будут сталкиваться с третьими, одни альянсы народов будут доминировать (быть может, эффективно и эффективно в течение десятилетий или даже столетий, но не более того; любое цивилизационное господство под взором исторической вечности и божественной шутки — лишь краткий, ускользающий и глупый миг). При таком приближении возвышение Запада после эпохи Великих географических открытий выглядит

странной абберацией в событийном океане превосходства знаниевого, технологического, материального, демографического, политического и проч. характера то ближне-, то дальневосточных цивилизационных миров.

Возможно, именно сегодня мы все имеем счастье (или несчастье) наблюдать затухание странной социо-культурной и политико-экономической мутации под названием «Запад»: наступает неумолимый закат, который оборачивается новым восходом «Востока». И подобная смена цивилизационных «дня» и «ночи» неизбежно приведет и уже привело к серьезным потрясениям. Место России в этом процессе — в самом первом из передних рядов; в авангарде исторического движения. На фронтах не только осязаемых и наблюдаемых, но и чувствуемых и обдумываемых в сетевых, медийных, ценностно-знаниевых и др. Российская Федерация вступила в противостояние — столкновение цивилизаций, если выразиться терминами С. Хантингтона, который, как видно, одолел на попроще прогнозов Ф. Фукуяму — с коллаборацией западных либерально-демократических стран. Именно в этом пункте мы предлагаем отойти от политической аналитики, философской интерпретации и исторической эмпирики в сторону социологической теории. Более точно выражаясь, далее, в настоящем очерке, развернем рассуждение на фундаменте теоретической социологии касательно российской политики памяти: того медийно-идеологическо-когнитивного арсенала, с помощью которого Россия ведет бескомпромиссное противостояние с коллективным Западом. Полагаем, что социологическая теория из ethnicstudies позволит улучшить невидимую борьбу Российской Федерации на полях социальных пространств, доступных не глазу, но уму. Но без ума разрушить несправедливый миропорядок невозможно. Безумием было бы не воспользоваться новейшими концептуально-теоретическими средствами, которыми располагает наука врага. Учиться лучшему у противника — один из наиболее древних путей к победе над противостоящей стороной. Поэтому далее вкратце взглянем на теоретический контекст такой политической линии современных западных государств, которая именуется политикой памяти или исторической политикой: рассмотрим ее как особого рода деятельность государства внутри социального пространства мнений, представлений и идей о прошедшем прошлом. Иначе говоря, такое поле, которое состоит из различных, множественных и состоящих в сложных друг с другом взаимоотношений исторических нарративов (Schmidtke, 2023).

Конструктивизм этносоциологического пошиба: модернизация не ВПК, но когнитивных, политических и организационных инструментов

Социально-гуманитарные науки пережили в прошлом веке много т. н. «поворотов»: аналитический, лингвистический, прагматический и т. д. Одним из аналогичных, не менее значимых, поворотных событий стали несколько переосмыслений истории, исторического знания и историчности как таковой. Во-первых, нельзя не вспомнить Х. Уайта: историка, явственнее всего показавшего академикам, общественности и политикам нарративную, т. е. литературную, составляющую любого знания об истории (Ашкеров, 2002). Историческое всегда предполагает ценностное, расстановку акцентов между изначально нейтральными,

однородными и не отличимыми друг от друга эпизодами. Но операцию различия внутри гомогенной событийной совокупности всегда реализует до какой-то степени, но предвзятый разум. Поэтому стоит говорить не просто о событиях прошлого, но рассуждать об исторических нарративах. Другим, не менее значимым поворотом стал разворот представлений о памяти. Такие мыслители, как П. Нора (Сабанчеев, 2018) или М. Хальбвакс (Бредихин, 2024), открыли коллективную память (как совокупность памяти индивидуальных, представлений индивида о чужой индивидуальной же памяти и т. д.) не как нечто статичное, но динамичное, подвижное, гибкое, изменчивое, неоднородное. Есть не память вообще, но процесс запоминания, забывания и воспоминания как на индивидуальном, так и на более абстрактном, социальном уровне. Особенно у П. Нора так понятая память предстает специфическим пространством, где возможны диалог, полилог и, разумеется, конфликт. В конце концов, в-третьих, завершающим значимым поворотным событием в развитии социально-гуманитарного знания и в особенности истории сыграло рождение конструктивистской парадигмы. Здесь особую роль сыграли историки, которые наравне с Х. Уайтом, историком-литературоведом, предложили для исторической науки социологические инновации. А именно: П. Бергер и Т. Лукман теоретически представили большинство социальных практик и саму по себе структуру общественной повседневности как состоящие из социальных конструктов (Рахматуллин, 2020). Иначе говоря, все социальное, политическое, экономическое, религиозное, а также связанное с историческим в самом широком смысле, всегда уже априори кем-то или чем-то собрано. Это может быть случайная сборка, как в примере Р. Докинза с часовым механизмом или самолетом, статистическими «чудесами» полученными из хаоса, или целенаправленное искусственное вмешательство некой группы интересантов посредством искусных или неудачных манипуляций, или относительно случайный продукт-«осадок» от столкновения таких двух или более вмешательств.

Итак, предварительно подытожим следующее: нарративный, меморативный и конструктивистский повороты оказали крайне значимое влияние на эволюцию социально-гуманитарного знания в двадцатом веке. Благодаря трем указанным разворотам историческая наука обогатилась пониманием того, что: обыденные, свидетельские, наследуемые, академические, школьные или любые другие знания об истории по самому своему существу есть нарратив (рассказ, повествование), где всегда есть в той или иной степени предвзятая расстановка знаков «хороший» / «плохой» / «свой» / «чужой» и т. п.; память индивида, группы или общества, из которой формируются нарративы о минувшем, сама по себе нарративна, т. е. тоже предвзятая, изменчива, искажаема, состоит не только из актуально запомненного, но и из изначально забытого; история и как реальный набор событий, и как приобретенные знания об оных, есть не просто процесс, но процесс скорее искусственный, нежели естественный (впрочем, и сама жизнь, с учетом конструктивистского характера ДНК земных организмов, строгая граница между «естественным» и «искусственным» стирается, уносясь в пространство лингвистики и терминологических словарей). И все перечисленные теоретические компоненты объединила в себе для реальной практики такое направление государственной политики, как политика памяти.

В отечественном академическом пространстве своими исследованиями о политике памяти вообще и в посткоммунистической Восточной Европе в частности, а также в контексте российско-украинских отношений достаточно много, подробно и глубоко писал А. И. Миллер (Миллер, 2016). Исследователь подчеркивал динамику политики памяти внутри новых стран-участниц ЕС и НАТО (Польша, Прибалтика и т. д.) от идеи создания общей исторической памяти «от Лиссабона до Владивостока» до обвинительной политики памяти: обвинительной относительно советско-российского прошлого. Под агитацией, давлением и пропагандой Польши и Прибалтики европейские лидеры академического, дипломатического и образовательного пространств ушли от идеи исторического примирения с Россией к концепции совместной вины национал-социалистической Германии и коммунистического Советского Союза в «преступлениях против человечности» (ОБСЕ обвинила..., 2009). Разумеется, подобный отворот от идеи общей исторической правды, не политизированной и не агрессивной по отношению к какой-либо из существующих стран, не мог не отразиться на политике памяти уже Российской Федерации (Миллер, 2013). Поиск альтернативного пути по отношению к прозападному развитию отразился в актуализации сверху и снизу Великой Отечественной Войны: Победа стала тем символом, тем событием и тем достоянием, что задает рамку для идентичности россиян на контрасте с другими (Krawatzek, 2023). Этим Другим и стал Запад с диаметрально противоположным восприятием советской Победы.

Несмотря на актуализацию и реализацию подобной собственной и самостоятельной политики памяти, пока она еще не принесла необходимых и ожидаемых плодов: победа не только на национальном, но и мировом уровне; утверждение собственных нарративов как на уровне Российской Федерации, так и в рамках Восточной Европы, Европы в целом, Евразии вообще и в мире как таковом. Как представляется, связано это с отсутствием перехода к конструктивизму, понятому в духе идей Р. Брубейкера.

Заключение: как применить теоретические инновации на практике российской политики памяти сегодня

В российской науке, как и в отечественной политике, до сих пор сохраняются установки по типу примордиалистских: идея того, что принадлежность к национальной / этнической / культурной и т. д. группам заложена в человека априори; биологическим или иным «сильным» способом (Варшавер, 2025). Подобные концепты и идеологемы, которые объясняют российскую идентичность как вечную, неизменную, исконную, твердую, стабильную и т. п. не учитывают конструктивистский поворот, случившийся в этносоциологии во многом благодаря трудам Р. Брубейкера, а именно монографии «Этничность без групп» (Брубейкер, 2012). В ней исследователь показывает, что нет этнических групп, но есть идентичности по типу этничности, которые некие совокупности людей «примеряют» на себя. Оставляют они эти идентичности или отмечают связано с целым ворохом факторов, условий и событий политического, семейного, экономического, военного, социального,

инфраструктурного, образовательного и иного характера. Тем не менее значимым представляется то, что события, которые направляют, заставляют и наталкивают людей на формирование определенной идентичности (например, российской нации) должны иметь живой характер. Под этим имеем в виду следующее: «[под]событиями подразумеваются значимые для многих жизненные факты, которые пробуждают в людях добровольное соучастие в деятельности сообщества, его борьбе или более мирных акциях. Так или иначе, можно остановиться на том, что эти события могут быть самых разных масштабов (не обязательно связанные с агрессией одной страны против другой, не обязательно охватывающие значительные территории), могут создаваться (и зачастую создаются) заинтересованными организациями, но обязательно и имманентно включают в свою структурную характеристику: (первое) желание добровольного участия и (второе) реалистичность. Если добровольность желания участвовать в событии, т. е. побуждающая сила самого события не представляет сложности для понимания... то затруднение в понимании может вызвать такая характеристика, как «сложность». Что мы имеем в виду под ней? Реалистичность предполагает, что все участники, потенциальные и уже задействованные, а также отказавшиеся от участия, полагают, что это событие происходит в реальности. При этом само оно может быть выдумкой... но в восприятии людей оно будет исключительно не выдуманным, не симулированным или вымышленным» (Казанцев, 2025, 82–83).

Именно такого рода конструктивизма не хватает российской нациестроительной политики, включающей в себя политику памяти. Идентичность россиян и их память полагаются слишком примордиалистским: будто бы можно просто, технократически и по-менеджеристски, произвести серию акций «для галочки» и тем самым вызвать нужную реакцию минимальными усилиями «сверху». Но подобного рода представления о конструировании социального пространства ложно, ошибочно и даже утопично. Идентичность рождается, становится и поддерживается прежде всего усилиями, практиками и повседневностью «снизу». Без обсуждений, низовых акций и мотивов народных масс созидание должных и желательных исторических нарративов ни внутри России, ни за ее пределами (но про-российским образом) невозможно. Поэтому живой конструктивизм необходим как когнитивно-теоретический и политико-практический инструмент для воплощения в жизнь российской нации, выстроенной на основе Победы. И со-конструирование иных национальных, политических и этнических идентичностей за пределами Российской Федерации на основе необходимых исторических нарративов. Без того победа России над цивилизационным врагом на фронте исторической политики будет затруднительна.

Литература

Ашкеров, А. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта / А. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, №1. – С. 87–99. – EDN TWMLRX.

Бредихин, Д. С. Реабилитируя Мориса Хальбвакса: память как коммуникативная стратегия поколения / Д. С. Бредихин, И. В. Нарский // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2024. – Т. 9, №4. – С. 71–78. – DOI 10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78. – EDN ACDVNE.

Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

Варшавер, Е. А. Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» / Е. А. Варшавер // Пути России. – 2025. – Т. 3, №1. – С. 9-42. – EDN DLUCJY.

Казанцев, О. А. Управление конструированием гражданско-патриотической идентичности: индикаторы эффективности versus этика добродетели / О. А. Казанцев // 80 лет Победы: гражданско-патриотическая идентичность молодежи России, связь поколений: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Нальчик, 14–19 апреля 2025 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, 2025. – С. 80-86. – EDN ZFPTBL.

Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – №1. – С. 111–121. – EDN XQZSAN.

Миллер, А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России / А. И. Миллер // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2013. – № 4. – С. 114–126. – EDN TCCBZP.

Рахматуллин, Р. Ю. Историческая реальность в свете конструктивизма / Р. Ю. Рахматуллин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – №6. – С. 144–152. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-144>. – EDN QCQDCL.

Сабанчеев, Р. Ю. Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции / Р. Ю. Сабанчеев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1. – С. 33–38. – EDN YVBACO.

Харыбин, А. Н. Геополитические концепции Семьюэля Хантингтона и Френсиса Фукуямы - критический анализ / А. Н. Харыбин // Наука Красноярья. – 2016. – Т. 5, №4. – С. 90-103. – EDN WWHYVD.

ОБСЕ обвинила СССР и Германию в развязывании Второй мировой [2009]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2009/5703d4fd9a7947733180955d>.

Krawatzek, F. A Foundation for Russia? Memories of World War II for Young Russians / F. Krawatzek, N. Frieß // Nationalities Papers. – 2023. – Vol. 51, No. 6. – 2023. – P. 1336–1356. – <https://doi.org/> <https://doi.org/10.1017/nps.2022.12>.

Schmidtke, O. Competing Historical Narratives: Memory Politics, Identity, and Democracy in Germany and Poland / O. Schmidtke // Social Sciences. – 2023. – Vol. 12, No. 7. – P. 1–16. – <https://doi.org/10.3390/socsci12070391>.

References

Ashkerov A. Metahistory of metahistory, or decoding Hayden White. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2002; 2(1): 87–99. (In Russ.)

Bredikhin D.S., Narskiy I.V. Rehabilitating Maurice Halbwachs: memory as a communicative strategy of a generation. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii = Magistra Vitae: Electronic Journal on Historical Sciences and*

Archaeology. 2024; 9(4): 71–78. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2024-9-4-71-78> (In Russ.)

Brubaker R. Ethnicity without Groups. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshejshejshkoly ekonomiki = HSE Publishing House; 2012. 408 p. (In Russ.)

Varshaver E.A. Evolutionary cognitive science as a resource for explaining ethnic phenomena “after the cognitive turn”. *Puti Rossii = Paths of Russia*. 2025; 3(1): 9–42. (In Russ.)

Kazantsev O.A. Managing the construction of civic-patriotic identity: indicators of effectiveness versus virtue ethics. In: 80 years of Victory: civic-patriotic identity of Russian youth, connection of generations: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Nalchik, 14–19 April 2025). Nalchik: Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova = Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov; 2025: 80–86. (In Russ.)

Miller A.I. Memory politics in post-communist Europe and its impact on European memory culture. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii i politiki) = Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2016; (1): 111–121. (In Russ.)

Miller A.I. The role of expert communities in memory politics in Russia. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii i politiki) = Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. 2013; (4): 114–126. (In Russ.)

Rakhmatullin R.Yu. Historical reality in the light of constructivism. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intelligence. Innovations. Investments*. 2020; (6): 144–152. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-144> (In Russ.)

Sabancheev R.Yu. Pierre Nora’s concept of “sites of memory” as a means of historical reconstruction. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke = Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2018; (1): 33–38. (In Russ.)

Kharybin A.N. The geopolitical conceptions of Samuel Huntington and Francis Fukuyama: a critical analysis. *Nauka Krasnoyarska = Krasnoyarsk Science*. 2016; 5(4): 90–103. (In Russ.)

Krawatzek F., Frieß N. A foundation for Russia? Memories of World War II for young Russians. *Nationalities Papers*. 2023; 51(6): 1336–1356. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.12>

Schmidtke O. Competing historical narratives: memory politics, identity, and democracy in Germany and Poland. *Social Sciences*. 2023; 12(7): 1–16. <https://doi.org/10.3390/socsci12070391>

OSCE accused the USSR and Germany of unleashing World War II [2009]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2009/5703d4fd9a7947733180955d> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.01.2026

Дата окончания рецензирования: 22.02.2026

Дата принятия к публикации: 25.02.2026

Информация об авторах

Попов Михаил Юрьевич– доктор социологических наук, профессор, главный редактор научного журнала «Наука. Образование. Современность/ Science. Education. ThePresent», г. Краснодар, Россия; e-mail: popov-52@mail.ru

Говердовская Елена Валентиновна– доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, г. Пятигорск, Россия; e-mail: redsov@mail.ru

ЦымбалЕкатерина Анатольевна– кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Отечества, Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС),г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: eka.filos@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Mikhail Y. Popov– Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Editor-in-chief of the scientific journal “SCIENCE. Education. MODERNITY/ SCIENCE. EDUCATION. THE PRESENT”, Krasnodar, Russia; e-mail: popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya– Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of Volgograd State Medical University, Pyatigorsk, Russia; e-mail: redsov@mail.ru

Ekaterina A. Tsymbal– Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Chair Philosophy and History of theFatherland, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: eka.filos@yandex.ru

The authors declare that there is no conflict of interests